

Грамоты князей Волконских XVI в.: дипломатическое исследование

Олег Хоруженко

The 16th century letters of the princes Volkonsky: a diplomatic research

Oleg Khoruzhenko

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722010046

После отмены местничества, в 1686 г. князья Волконские предоставили в Палату родословных дел новую версию своей родословной. Прежняя, получившая широкое распространение в родословных книгах XVI–XVII вв. и периодически всплывавшая в местнических делах, возводила Волконских к Ивашке Толстой Голове – незаконнорожденному сыну тарусского князя Юрия Михайловича от Агапки, проскурницыной дочери. Такое происхождение ставило Волконских в заведомо проигрышное положение в борьбе за чины и должности с представителями «родословных» (т.е. внесённых в Государев родословец) родов. Как известно, в местнических спорах «неродословному с родословным никому счету и мест не бывало»¹. В результате версия о «нечестном» происхождении Волконских серьёзно препятствовала их карьере: «Ото всех мы бедные, и сирые, и беспомочные, и закоснелые... всеконечно погибаем»². Новая версия родословной производила Волконских от князей Конинских. Этот род, хоть и мельком, был упомянут в Государеве родословце: «Конинские князи и Спашские пошли от Торусских³, а захудали и извелись от войны татарские». Волконские посчитали, что Конинские могли бы происходить от героя Куликовской битвы князя Фёдора Тарусского. Трое его сыновей именовались якобы не Тарусскими, а Конинскими. Впрочем, совсем недолго – эти «Конинские пришли жить на Волкону и с того времени начали зватися Волконские»⁴.

В своей челобитной Волконские просили государей о признании новой родословной как об особой милости «за многие службы и крови, и смерти многих сродников». Между тем они приложили к росписи и две грамоты, призванные доказать её состоятельность. Это недатированная жалованная данная и несудимая грамота старицкого князя Андрея Ивановича (княжил в 1519–1537 гг.) князьям Дмитрию и Потулу Волконским на село Опочню «в Волконе» и указная грамота великого князя Ивана Васильевича 1541 г. некоему Ивану

© 2022 г. О.И. Хоруженко

¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 905.

² РГАДА, ф. 11, д. 1116, л. 18 об.–19.

³ В иных редакциях родословных книг – «от Оболенских».

⁴ На самом деле князья Конинские вовсе не переименовали себя в Волконских, но и не «извелись», как об этом сказано в Государеве родословце. Они дожили, по крайней мере, до 1530-х гг. (Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 164–165).

Константиновичу в Алексин по тяжбе между князем Иваном Дмитриевичем и княгиней Марией Потуловой Волконскими⁵.

В отношении подлинности грамот сразу были высказаны сомнения — в первую очередь происходившими от тарусско-оболенских князей И.Б. Репниным, М.И. Лыковым и К.О. Щербатовым. Они пытались таким образом уклониться от родства, каковое навязывалось им Волконскими посредством новой версии родословия и прилагаемых к нему грамот. Возникли сомнения и у служителей Палаты.

Успехи князей Волконских на служебном поприще в петровское и последующее время, рост их благосостояния и влияния привели к тому, что версия родословия в редакции 1686 г. была признана официально в 3-й части Общего гербовника (1799) уже при полном непротивлении единокровцев и служителей Герольдии. Одновременно принимались в качестве «доказательств» и грамоты⁶. Иные версии происхождения князей Волконских, в том числе не делавшие им чести⁷, оказались надолго забыты.

Обе грамоты были введены в научный оборот в 1900 г.⁸ и долгое время не вызывали подозрений⁹. В 1996 г. об интерполированности грамоты 1541 г. объявил А.В. Антонов¹⁰, а в 2012 г. сомнения в подлинности обеих грамот были высказаны мною¹¹. Дело в том, что, претендуя на датировку XVI в., грамоты излагают схему родства, противоречащую родословным росписям того времени. Напротив, предполагаемая грамотами схема полностью соответствует новому варианту родословия, сочинённого в конце XVII в. Неизбежный вывод, следующий из этого наблюдения — грамоты Волконских были составлены, или по меньшей мере интерполированы, также в конце XVII в., чтобы послужить подтверждением новой версии родословия.

За достоверность родословий Волконских конца XVII в. и подлинность приложенных к ним актов выступил А.В. Шеков¹², который во многом на основании этих источников выстроил своё видение истории «Волконского кня-

---

⁵ Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 117. Ср.: «Документы интересны тем, что не вошли в число актов, представленных после отмены местничества и затем исследованных А.И. Юшковым и Н.П. Лихачёвым» (Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XII — середина XVI в. М., 2018. С. 27). Действительно, грамоты Волконских не заинтересовали Юшкова и Лихачёва, но в «число актов, представленных после отмены местничества» они всё-таки входят.

⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи: Ч. I—X (1 562 герба). М., 2009. С. 133—134.

⁷ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI—XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203—234.

⁸ Род князей Волконских: материалы, собранные и обработанные княгиней Е.Г. Волконской. СПб., 1900. С. 17, 19—20.

⁹ Власев Г.А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т. 1. Ч. 3. СПб., 1907. С. 328—329; Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 207, 221; Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 181; Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. (ч. 1) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4(50). С. 70.

¹⁰ Антонов А.В. Родословные росписи... С. 117. Данные о поновлении теста грамоты содержатся в делопроизводстве Палаты родословных дел (см. ниже).

¹¹ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти... С. 203—234.

¹² Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27, 28, 32—35, 38.

жества»¹³. Вопрос, представлявшийся при изучении собственно родословий частным, а ответ на него — вполне очевидным по совокупности особенностей происхождения, бытования и содержания актов, после исследования Шекова приобретает существенное значение для политической истории и исторической географии Верхнеокского региона XIII—XVI вв. Это заставляет более детально исследовать аутентичность грамот, представленных в 1687—1688 гг. князьями Волконскими в Палату родословных дел и дошедших до нас в копиях.

Недатированную жалованную данную и несудимую грамоту старицкого князя Андрея Ивановича князьям Дмитрию и Потулу Волконским на село Опочню в Волконе ввела в научный оборот в 1900 г. княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (1838—1897), известный богослов, для которой труд о князьях Волконских стал первым и единственным опытом занятий генеалогией. Его издал уже после кончины Волконской её супруг М.С. Волконский (1832—1909), напечатавший «рукопись без всякого изменения, если не считать незначительных поправок корректурного свойства»¹⁴.

В работе 2012 г. высказывались доводы в пользу того, что публикацию грамот, предпринятую Волконской, можно считать примером «научного подлога»¹⁵. Шеков изложил их упрощённо: «О.И. Хоруженко считает эту грамоту “научным подлогом”, так как она известна только по публикации Е.Г. Волконской. Однако никаких других убедительных аргументов в подтверждение своего мнения он не привёл»¹⁶. На самом деле другие аргументы приводились, но, вероятно, были изложены недостаточно развёрнуто.

Текста жалованной данной и несудимой грамоты старицкого князя Андрея Ивановича князьям Дмитрию и Потулу Волконским на село Опочню в Волконе вне работы Волконской действительно не существует. Причём это не тот случай, когда источник погиб или исчез уже после его публикации — такое иногда случалось, и само по себе не свидетельствует о ненадёжности источника. Но дело в том, что грамоты в том виде, как она представлена в работе Е.Г. Волконской, не существовало уже на момент её издания. Нет её и в составе архивных материалов, прямо указанных исследовательницей в качестве источника её публикации. Она ссылалась на «Спб. Гос. Арх. М.И.Д. XI, № 1116». Это следует понимать как Разряд XI Государственного архива Российской империи, дело № 1116. Данная единица хранения отнюдь не утрачена¹⁷ — она и в настоящее время хранится под тем же номером в том же разряде XI РГАДА. На обложке она имеет заголовок, воспроизведённый Е.Г. Волконской: «1794 год. XI. № 1116. Дело о роде князей Волконских. СПб. Государственный Архив. М.И.Д.»¹⁸.

¹³ Вопрос о правомерности термина «княжество» по отношению к вотчинам князей Волконских выходит за рамки данной работы. Тем не менее следует отметить, что его употребление может быть оправданным лишь при наличии каких-либо признаков государственного образования, суверенитета местных князей.

¹⁴ Род князей Волконских... С. VI, 17.

¹⁵ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти... С. 218—221.

¹⁶ Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27.

¹⁷ Так, вероятно, следует понимать пассаж А.В. Шекова: «Подлинники этих грамот хранились в роде Волконских. Г.Ф. Миллером с них сделаны копии, которые хранились в Государственном архиве Министерства иностранных дел (XI. № 1116) ещё в начале XX в.» (Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27). Правильнее — в конце XIX в., к каковому относятся как годы работы Е.Г. Волконской над книгой, так и год её публикации — 1900 г.

¹⁸ РГАДА, ф. 11, д. 1116.

Дело это представляет собой копию докладной выписки Палаты родословных дел 1688 г. с изложением ряда документов, как представленных князьями Волконскими, так и делопроизводственных¹⁹. Изначально копии были изготовлены в Разрядном архиве по запросу Герольдмейстерской конторы Сената в 1788 г. Тогда генерал-аншеф князь Михаил Никитич (1713–1788) и тайный советник сенатор князь Пётр Михайлович (умер в 1794 г.) Волконские запросили в Герольдмейстерской конторе документы по истории своего рода «для предъявления к предводителям дворянства». Вновь эти документы потребовались Герольдмейстерской конторе в марте 1794 г., и копии были сняты в Разрядном архиве заново.

Почему-то Е.Г. Волконская считала, что копию докладной выписки в деле № 1116 сделал Г.Ф. Миллер, причём список грамоты он снял с подлинника²⁰. Миллер действительно изготовил копию (конечно, не с подлинников, а с докладной выписки). Но она хранилась и хранится ныне не в разряде XI Госархива, а в его собрании, знаменитых «портфелях Миллера»²¹. Никакого отношения к копиям 1788 и 1794 гг. Миллер не имел (он умер в 1783 г.). Всё, чем могла располагать Волконская, обратившись к делу № 1116 разряда XI Госархива (как, впрочем, и к «портфелям» Миллера), это краткое изложение грамоты в составе докладной выписки Палаты родословных дел. Мы можем сопоставить текст архивного документа, выдаваемый Волконской за источник публикации, с текстом собственно публикации.

Род князей Волконских... С. 17.	РГАДА, ф. 11, д. 1116, л. 27 об.–28.
Се аз,	
князь Андрей Иоаннович, пожаловал	Князь Андрей Иванович пожаловал
есмя	
князя Дмитрия да князя Потула князь Васильевых детей Константиновича Волконского братним жеребьем Веригиным в Волконе, селом Опочнею с деревнями, со всем тем, что к тому селу и к деревням изстари потягло,	князя Дмитрия да князя Потула князь Васильевых детей Константиновича Волконского брата их жеребьем Веригиным в Волконе, селом Опочнею с деревнями, со всем, что к тому селу и к деревням изьстари потеглу,
и кто у них в том селе и деревнях учнут жити людей,	
и намесницы мои алексинские и их тиуны тех их людей не судят ни в чем,	и чтоб наместником алексинским тех их людей не судить ни в чем,
опричь душегубства и разбоя с поличным, а праведчики и доводчики	
поборов своих у них не берут	и поборов не иматъ.
и не въезжают к ним ни по что. А суд дают и судят тех своих людей князь Дмитрий да князь Потул сами во всем, или кому прикажут. А случится суд смесный тем их людам с городскими людьми, и намесницы мои алексинские и их тиуны судят, а кн[язь] Дмитрий и кн[язь] Потул или их прикащики с ними же судят.	

¹⁹ Состав изложенных в выписке документов см.: Антонов А.В. Родословные росписи... С. 118.

²⁰ Род князей Волконских... С. 16; ср.: Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27.

²¹ РГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 2, д. 7, л. 25–36 об. (без конца).

Объём архивного текста увеличился в публикации почти в 2,5 раза за счёт предпринятой Волконской реконструкции, границы которой, впрочем, не были обозначены. Следует признать значительные и скрытые от читателя изменения публикатором своего источника, что является признаком «научного подлога». Ссылка на архивный оригинал не указывает на рукописную версию публикуемого текста, как следовало бы ожидать. Она недействительна и лишь камуфлирует подлог.

«Научный подлог» («учёная фальшивка», *un faux d'érudition*) – термин, предложенный Международным словарём по дипломатике 1984 г. Он определяется (в изложении С.М. Каштанова) как «придуманый документ, обычно вставляемый в историческое сочинение либо для подкрепления того или иного тезиса автора, либо для придания пикантности изложению, либо для доказательства древнего происхождения города, учреждения, рода, причастности их к знаменитым событиям и т.п.»²².

Из всех разновидностей поддельных документов Международный словарь по дипломатике лишь для определения «учёной фальшивки» акцентирует внимание на мотивах фальсификатора. Очевидно, такой подход может быть более продуктивным. Именно мотивы («интерес») фальсификатора предлагаются В.П. Козловым в качестве возможного принципа систематизации подлогов²³. Конечно, исчерпывающей типологии фальсификатов, построенной по принципу целеполагания, составить невозможно. На основании уже выявленных прецедентов можно вполне уверенно говорить о фальшивках родословных, антикварных, литературных, имущественно-правовых, политических и т.д.

Дочь светлейшего князя Г.П. Волконского и супругу князя М.С. Волконского вряд ли можно считать беспристрастным исследователем истории своего рода. Поэтому её произведение обладает признаками не только научного, но и родословного подлога.

Реконструкцию Е.Г. Волконской нельзя признать вполне удачной. Оборот «*братним жеребьем Веригиным*» вряд ли мог присутствовать в грамоте первой трети XVI в. Для указания былой владельческой принадлежности использовались конструкции, открывающиеся предлогом «что»: «что была», «что преж того было» и т.п. Напротив, определения «братний», «отчий», «дедов» и т.п. не характерны. Обычные ограничения для праведчиков и доводчиков («*не въезжают*», «*ни всылают*») сокращены в публикации до «*не въезжают*». Формула «а суд дают и судят» вместо общепринятой «а ведают и судят» является, вероятно, следствием неверного прочтения документа, послужившего Волконской основой для формуляра её реконструкции.

Наименее удачно у Волконской получилась статья грамоты о сместном суде. Фразу «А случитца суд сместной тем его людем и хрестьяном з городцкими людьми» следовало бы дополнить словами «*или волостными*». Отсутствует указание на подлежащее сместному суду население вотчины: «наместницы мой алексинские и их тиуны судят». Обычная формула для несудимых грамот светским землевладельцам, исходивших как от великих, так и от удельных князей (включая известные грамоты Андрея Ивановича), такова: «тиуны тех его

²² Каштанов С.М. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 27.

²³ Козлов В.П. Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996. С. 3–10.

людей судят», «тиуны тех его людей и хрестьян судят»²⁴. Не стала включать Волконская и обычную статью о неподсудности землевладельца местным властям («А кому будет чего искать на самом [имр.] или на его приказшике, ино их сужу яз, князь Андрей Иванович, или мой боярин введеной»), а также дату грамоты.

Итак, текст жалованной данной и несудимой грамоты князя Андрея Ивановича Старицкого Дмитрию и Потулу Волконским в том виде, в котором она доступна ныне исследователям, появился в самом конце XIX в. в работе Е.Г. Волконской и является её реконструкцией. Правда, эта реконструкция была ею выдана за реально существующий, доступный исследователям архивный документ. Использование этой грамоты в виде сводного текста, включающего как её изложение в выписке 1688 г., так и реконструкцию Волконской, рискованно — их следует чётко различать.

А.В. Шеков посчитал, что грамота князя Андрея Ивановича позволяет говорить о сохранении в первой четверти XVI в. за владениями князей Волконских «вотчинно-княжеского статуса», поскольку эти князья обладали «правом дани и суда»²⁵. Это недоразумение: ни в одной из ипостасей текста грамоты, как мы видели, о дани речь не идёт. Что касается объёма судебного иммунитета, то он развёрнуто обозначен только в реконструкции Волконской, однако никакого специфического «княжеского статуса» не подразумевает. Изъятие из вотчинной подсудности «душегубства и разбоя с поличным», сместный суд для сторон, относящихся к подсудности землевладельца и княжеского наместника — общепотребительные формулы несудимых грамот. Есть они, в частности, в грамотах, данных старицким князем Андреем Ивановичем В. Баранчеву, Г.В. Грязному, Ф.Б. Захарьину-Бороздину. Ни Баранчевы, ни Грязные, ни Бороздины не претендовали на княжеское происхождение. Убрав новации, призванные восполнить недостающие объёмы текста, мы возвращаемся к источнику, который был в распоряжении Волконской — изложению грамоты в выписке Палаты родословных дел 1688 г.

В отношении грамоты старицкого князя служителями Палаты родословных дел сделано следующее примечание: «А в котором году та грамота писана, не ведомо, потому что конца у подлинной грамоты за ветхостию нет»²⁶. Ветхость обеих предъявленных Волконскими грамот отмечали и их оппоненты И.Б. Репнин, М.И. Лыков и К.О. Щербатов: «И тем грамотам верить не мочно, потому что те грамоты драны и черны... и те грамоты им не в оправдание»²⁷. Волконские в принципе не отрицали ветхость грамот: «А грамоты... не черные, и черных мест в них нет, а что... за ветхостью истлели, и то за многими прешедшими летами»²⁸. Отсутствие «конца» у грамоты (действительно, её изложение обрывается после статьи о сместном суде) означает, что представленный документ не имел обычных признаков удостоверения — княжеской печати, дьячьей подписи. В пользу её аутентичности говорит лишь упоминаемая ветхость.

²⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). Ч. 2. М., 1956. № 115. С. 108; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века: сборник документов (далее — АСЗ). Т. 1. М., 1997. № 75. С. 60–61; Т. 4. М., 2008. № 16. С. 14–15.

²⁵ Шеков А.В. Политическая история и география... С. 333.

²⁶ РГАДА, ф. 11, д. 1116, л. 28.

²⁷ Там же, л. 10 об., 25–26 об.

²⁸ Там же, л. 17 об., 35 об.

Укрепить доверие к предоставленному Волконскими документу могли бы доказательства, во-первых, реальности существования князя Дмитрия Васильевича, во-вторых – правовых последствий выдачи этой грамоты. Выявленные на сегодня источники таких доказательств не содержат. Во всех вариантах родословия князей Волконских XVI–XVII вв. у князя Василия Константиновича Волконского показано разное количество сыновей, они меняются как старшинством, так и личными прозваниями.

Древнейший, 1519–1537 гг.	Краткий, 3-я четверть XVI в.	Сокращённый, конец XVI в.	Пространный, середины XVII в.	Роспись 1686 г.
Иван Глыш	Иван	Иван Хлыщ	Иван Глыш	Дмитрий
Пётр Верига	Пётр Верига	Пётр Верига	Пётр Верига	Пётр Верига
Ипатий Потул	Дмитрий	Дмитрий Потул	Ипатий Потул	Ипатий Потул
Василий	Василий Потул	Андрей	Василий	
Андрей	Андрей		Андрей	

Согласно более ранним версиям родословия Волконских, Семён Давыдович и Федул Фёдорович (податели росписи) выступали потомками Ипатия Потула и в родовом старшинстве находились ниже потомков Вериги. В новой же версии её авторы, выставляя себя потомками старшего брата (Дмитрия Васильевича), становились старшими в роду Волконских. В древнейшем варианте родословия, современном грамоте старицкого князя Андрея Ивановича, как и в пространным варианте, имени Дмитрия Васильевича нет. В кратком и сокращённом вариантах оно присутствует, но здесь у Дмитрия не показано потомства.

Некий князь Дмитрий Волконский упоминается как писец в Старицком уезде в 1519 г.²⁹, он же (Митя), или его тёзка – в разряде того же года³⁰. В обоих случаях отчество князя не указано³¹, что допускает на равных основаниях отождествление его (их) как с искомым Дмитрием Васильевичем, так и с двоюродным братом Василия Константиновича Дмитрием Ивановичем, с племянником и полным тёзкой последнего Дмитрием Ивановичем Немцевым, с Дмитрием (Митяней) Ипатьевичем Потуловым.

Правовых последствий грамота князя Андрея Ивановича, кажется, не имела. Она должна была исключить из числа землевладельцев в Волконе потомков Петра Вериги, но во второй половине XVI в. из всех князей Волконских как раз лишь Веригины числились по Туле, к которой относилась Волкона³².

²⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГид). Ч. 1. М., 1813. С. 527; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 102. С. 420.

³⁰ Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966. С. 62; Разрядная книга 1475–1605 г. Т. 1. Ч. 1–3. М., 1977. С. 164.

³¹ Цитируя источник (СГГид. Ч. 1. С. 527), Волконская дополнила его «недостающим» отчеством князя Дмитрия – Васильевич (*Волконская Е. Г.* Род князей Волконских... С. 17). Ср.: *Шеков А. В.* Политическая история и география... С. 263, 333.

³² *Шеков А. В.* Политическая история и география... С. 334. В Дворовой тетради 1550-х гг. по Туле значились только потомки Петра Вериги и Ивана Чёрного, двоюродного брата князя Василия Константиновича (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 165–166.

Краткость изложения грамоты Андрея Ивановича не позволяет провести её полный формулярный анализ. Тем не менее обращает на себя внимание именование адресатов: «князя Дмитрия да князя Потула князь Васильевых детей Константиновича Волконскаго». Такая избыточная, четырёхчастная именная формула, включающая личное имя, отчество, дедичество и (псевдо)фамилию, совершенно не характерна для московских грамот, как великокняжеских, так и удельных. За период великого княжения Василия Ивановича она встречается лишь однажды — в грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича «Ивану Васильеву сыну Петровича Плещеева» (1526)³³. Но в этом случае столь подробная идентификация адресата была вынужденной: одновременно действовали Иван Васильев сын Петровича и Иван Васильев сын Андреевича Плещеевы³⁴. Очевидно, что указание на дедичество Волконских в грамоте старицкого князя Андрея Ивановича такой задачи не решало. Но зато оно служило для подкрепления новой версии родословия князей Волконских, разработанной ими в 1686 г. Очевидно, здесь присутствует как минимум интерполяция, хотя нельзя исключить и подложность всего документа.

Вторая грамота, представленная Волконскими, — указная великого князя Ивана Васильевича 1541 г. — приводится в выписке Палаты родословных дел в двух вариантах. Первый (л. 2) воспроизводит список грамоты, изготовленный князьями Саввой (Савелием) Львовичем и Семёном Давыдовичем Волконскими. Второй вариант (л. 28–28 об.) — список, изготовленный в Палате родословных дел, насколько можно судить, с подлинника. Он включает примечания служителей Палаты, отмечающие интерполированность документа. Источником публикации Е.Г. Волконская выбрала, конечно, первый вариант, и воспроизвела его почти без искажений. Наблюдаемые расхождения публикации и её источника, кажется, не преднамеренны.

Род князей Волконских... С. 19–20.	РГАДА, ф. 11, д. 1116. 1) л. 2; 2) 28–28 об.
	В семь тысящъ пятидесятом году (2)
От великого князя Ивана Васильевича всея России	от великаго князя Ивана Васильевича всея России (1, 2)
	писано (2)
в Олексин	в Олексин (1, 2)
Константину..	Ивану Константи... (1, 2)
	— а вичь и прозвание ему, Ивану, в подлинной выдралось, а под тем писано (2)
Бил челом князь Иван княж Дмитриев сын Волконской на княгиню Марью на Потулову.	Бил де челом князь Иван княж Дмитриев сын Волконскаго на княгиню Марью на Потулову (1, 2).
А сказывает, что де у него вступается в его землю отчинную, у половину села Павшина да деревню у Сементину,	А сказывает де, что у него вступается в его землю вотчинную, у половины села Павшина да деревни Сементи... (1, 2)
	— и после сей речи строки с полторы письма разсмотреть за ветхостию не можно, потому что было передрано и клеено, и письма не знать, а ниже того писано (2)

³³ Акты Русского государства, 1505–1526 гг. М., 1975. № 273. С. 275–277.

³⁴ Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 152, 154.

что дана деду отца его, князю Константину Конинскому, после братии его и Спажских князей	
отчина де их,	[перелетчи деи]
за между, и землю пашет, и пожни косит, и лес сечет сильно, и называет де их тою землю, пожни и лес, к своей отчине, к половине села Павшина.	за между землю пашет, и пожни косит, и лес сечет сильно, а называет де их тою землю, пожни и лес, к своей де землех тутощных старожилцов с обе стороны Павшина (1, 2).
А ты б, взяв с собой сотских и десятских, и людей добрых тутощных старожилцов с обе стороны, да к ним бы еси	И ты б, взяв с собой сотских и десятских, и людей добрых тутощных старожилцов с обе стороны, да к ним бы еси (1) И Ивану велено (2)
на ту спорную землю ехал,	на ту спорную землю ехать,
да того бы еси досмотром и обыском обыскал,	да того бы еси досмотрел и обыском обыскал (1), и досмотреть и обыскать (2).
чия то земля и пожни, и лес изстари.	чья то земля и пожни, и лес изстари (1, 2).
А о чем ся сопрут, и ты бы их в том судил,	А о чем ся сопрут, и ты б их в том судил (1),
	и на чертеж бы еси ту землю спорную вычертил (1),
да суда своего и обыска список и чертеж скажи мне, великому князю, поставя предо мною оба исца с очей на очи.	до суда своего и обыску список и чертеж скажи мне, великому князю, поставя предо мною оба исца с очей на очи (1).
Писан на Москве, лета 7050 г., сентября в 18-й день.	Писан на Москве, лета 7050-го году, сентября в 18-й день (1).
У подлинной отписки назади написано было «князь великий» и печать при ней была на черном воску.	У подлинной грамоты назади написано: Князь великий. У той же грамоты печать на черном воску (1).
	— а в списке с той грамоты они, князь Савва и князь Семен, за своими руками написали в том месте, где в подлинной грамоте склеено и письма рассмотреть не можно (2)
	у деревни Сементина, что дано деду отца его, князю Константину Конинскому, после братии его и Спажских князей (2).

Понятно, что самая важная фраза грамоты, подтверждающая происхождение князей Волконских от Конинских, является даже не интерполяцией, а предложенной князьями Саввой и Семёном реконструкцией утраченного или целенаправленно уничтоженного текста, читающейся лишь в их списке. Волконская не посчитала необходимым заострять на этом внимание. Сопоставляя формуляр грамоты 1541 г. с аналогичными, А.В. Антонов и К.В. Баранов выявили ещё одно вмешательство в оригинальный текст: очевидно, фраза «отчина де их за между» заменила изначальную «перелетчи деи за между»³⁵. В целом грамота 1541 г. соответствует формуляру современных ей указных грамот. Но при доказанном наличии в её тексте ряда интерполяций воз-

³⁵ АСЗ. Т. 1. С. 40, примеч. 2.

никает вопрос — не является ли таковой же и упоминание «князя Ивана княж Дмитриева сына Волконского»?

В древнейшем и сокращённом вариантах родословия Волконских внуки князя Василия Константиновича не показаны. В кратком и пространном вариантах это поколение представлено только Веригиными (Василий, Андрей Чайка, Юрий) и Потуловыми (Иван, Василий Ус, Пётр, Дмитрий Митяня/Митяйка и Фёдор). Таким образом, единственным Иваном здесь выступает Иван Потулов (Ипатьев) сын. В духовной Григория Михайловича Валуева (1543/44) соотвечником по долговым обязательствам завещателя значится Иван Потулов³⁶ (тут же упоминается и Дмитрий Потулов Волконский). Князь Пётр Потулов сын Волконского в 1564 г. подписал поручную грамоту³⁷. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря сын Потула Дмитрий значится с отчеством Ипатьевич (в январе 1558 г. он дважды давал денежные вклады по брату Фёдору)³⁸.

Князь Иван Дмитриевич появляется только в варианте родословной 1686 г. и, в отличие от своих кузенов, иным источникам не известен. Правда, княгиня Волконская обнаружила упоминание о князе Иване Дмитриевиче в свадебном разряде старицкого князя Владимира Андреевича; он «значился у царского коро- вая»³⁹. Но, как и в случае с его отцом Дмитрием Васильевичем, она неправомерно отослала читателя к источнику: князь Иван Волконский здесь значится без отчества⁴⁰. Равным образом это упоминание может быть отнесено и к Ивану Потулову.

Таким образом, обе новые фигуры, введённые в родословную роспись в 1686 г. и обеспечивающие подавшим её князьям Волконским родовое старшинство и происхождение от князей Конинских, известны только по этой росписи и приложенным к ней грамотам. Вывод А.В. Шекова о «достоверности существования этих людей, подтверждаемой источниками»⁴¹, необходимо скорректировать: ни в одном источнике XVI в. имена князей Дмитрия Васильевича и Ивана Дмитриевича не встречаются.

В итоге предположение о подложности обеих грамот, основанное изначально на очевидных мотивах и обстоятельствах их появления в делопроизводственном обороте, подкрепляется рядом доказательств. В грамотах наблюдаются отступления от формуляра и явные интерполяции. Описанные в них реалии не подтверждаются иными источниками XVI в. Введение же актов в научный оборот Е.Г. Волконской было, по сути, попыткой скрыть от читателя данные об их фрагментарности и интерполированности.

Сомнения в подлинности предъявленных Волконскими грамот пока что представляются непреодолимыми — в известных на сегодня источниках нет данных, которые без натяжек и прямых искажений в их цитировании можно было бы истолковать в пользу аутентичности этих актов.

³⁶ АФЗХ. Ч. 2. № 176. С. 170.

³⁷ СГГид. Ч. 1. С. 497, 499.

³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 115.

³⁹ Род князей Волконских... С. 20. Е.Г. Волконская датировала свадьбу 22 апреля 1558 г. со ссылкой на опубликованный Н.И. Новиковым разряд. В этой публикации он датирован 28 марта 1558 г. (Древняя российская вивлиофика (далее — ДРВ). Ч. 13. М., 1790. С. 82). Правильная дата — 28 марта 1555 г. (Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 62, 91; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 162—163; Ч. 2. С. 267; Ч. 3. С. 486).

⁴⁰ ДРВ. Ч. 13. С. 82; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 62, 91; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 162—163; Ч. 2. С. 267; Ч. 3. С. 486 («коровай нести к церкви... князь Ивану Волконскому»).

⁴¹ Шеков А.В. Политическая история и география... С. 28.